

Насрулаев Э.Х.

ПУГАЧЕВ А.С. ПУШКИНА И С.А. ЕСЕНИНА: ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ТИПА.

Исследователи творчества С. Есенина нередко пишут о нем как о продолжателе пушкинских традиций в русской поэзии. Большой интерес в этой связи представляет сопоставление есенинского "Пугачева" с "Капитанской дочкой" и "Историей Пугачевского бунта" А.С. Пушкина. Сравнение это тем более правомерно, что сам Есенин, приступая к работе над "Пугачевым", отталкивался от опыта Пушкина: "У Пушкина сочинена любовная интрига, а не всегда хорошо приложена к исторической части. У меня же совсем не будет любовной интриги. Разве она так необходима? Умел же без нее обходиться Гоголь. Я несколько лет изучал материалы и убедился, что Пушкин во многом был не прав. Я не говорю уже о том, что у него была своя дворянская точка зрения. И в повести, и в истории. Например, у него найдем очень мало имен бунтовщиков, но очень много имен усмирителей или тех, кто погиб от рук пугачевцев. Я очень, очень много прочел для своей трагедии и нахожу, что многое Пушкин изобразил просто неверно. Прежде всего сам Пугачев. Ведь он был почти гениальным человеком, да и многие из его сподвижников были людьми крупными, яркими фигурами. А у Пушкина это как-то пропало."ⁱ

С пушкинской меркой к "Пугачеву" подходили С. Городецкий, Н. Клюев, В. Мейрхольд. С. Городецкий назвал "Пугачева" "первой европейски крупной вещью", в которой поэт является "сознательным учеником Пушкина"ⁱⁱ. Н. Клюев в письме Есенину 28 января 1922 г. писал, что поэма "нужнее и желаннее "Бориса Годунова". Мейрхольд говорил о близости "Пугачева" к маленьким трагедиям Пушкина.ⁱⁱⁱ

На пушкинскую тенденцию у Есенина позже не могли не обратить внимание его исследователи. А. Марченко считает, что в финальном монологе Пугачева Есенин обыгрывал калмыцкую сказку из "Капитанской дочки" ("Юность! Юность! Как майская ночь...")^{iv}.

Другой литературовед считает, что Есенин в изображении предательства казаков и пленении ими Пугачева использовал пушкинскую версию из "Истории Пугачевского бунта"^v.

В то же время в интерпретации личности Пугачева исследователи до сих пор находили больше различий, чем общего. Есенинский Пугачев, утверждает А. Волков, – настоящий народный вождь, искренний заступник за угнетенных, человек без недостатков, самозванство для него лишь средство поднять на восстание "монгольскую рать", тогда как Пугачев Пушкина – личность, безусловно, незаурядная – "лукав, коварен, неотесан, часто жесток, главное – преследует прежде всего собственную цель"^{vi}.

Рассуждая подобным образом, исследователи в советское время всячески подчеркивали ту особенность, на которую указывал и сам Есенин: Пушкин, несмотря на всю свою художественную объективность, выражал дворянскую точку зрения на пугачевский бунт, а Есенин же полностью, как поэт крестьянский поэтизировал пугачевцев. Думается, не нужно особых доказательств, чтобы убедиться в малопродуктивности подобного классового подхода. На самом деле Есенин не только отталкивался в "Пугачеве" от Пушкина, но и во многом переключался с ним.

На наш взгляд, сходство и различие двух Пугачевых, Пушкина и Есенина, значительно глубже и интереснее. Прежде всего это касается особенности характеристики Пугачева как национального типа, о чем и пойдет речь в данной статье.

Исследователи "Капитанской дочки" (Ю.М. Лотман, Г.А. Макогоненко) единодушно отмечают исключительную стройность композиции, которая в значительной мере определяется концентрацией действия двух противостоящих друг другу центров: народа и власти, дворянства и крестьянства, Пугачева и Екатерины. Эти же центры определяют и композицию есенинского "Пугачева". Но если в "Капитанской дочке" Пушкин показывает Пугачева и Екатерину двумя равновеликими личностями, одинаково наделяя их и достоинствами, и недостатками, то у Есенина Пугачев выступает героем, Екатерина - преступницей. Авторская точка зрения в этом случае как бы теряется во "мнении народном", ибо и Пугачев, и Екатерина даны у Есенина в оценке народной массы:

Разве это когда прощается,
Чтоб с престола какая-то б...
Протягивала солдат как пальцы,
Непокорную чернь умерщвлять!
(с.23)^{vii}

Идет отомстить Екатерине,
Подымая руку, как желтый кол,
За то, что она с сообщниками своими,
Разбив белый кувшин
Головы его,
Взошла на престол.
(с.25)

У Есенина Екатерина олицетворяет Москву, а Пугачев - окраинную Россию. Одним из идейных центров поэмы становится противопоставление Москва - провинция:

Пусть знает, пусть слышит Москва -
На расправы ее мы взбystрим.
(с.17)

То московские полки
Нас не бросали, как рыб в Чаган.
(с.22)

Там в ковыльных просторах ревет гроза,
От которой дрожит вся империя.
(с.31)

В итоге у Есенина это противопоставление перерастает в противопоставление Россия - Монголия. Это подтверждают топонимы, встречающиеся в тексте. Можно даже сказать, что в этом противопоставлении Есенин идет дальше: сопоставляя Россию и Монголию, где Монголия – желанная, "голубая страна", а Россия – неприятна не только для "смуглых монгольцев" (глава "Бегство калмыков"), но и для казаков:

... если б
Наши избы были на колесах
Мы впрягли бы в них своих коней
И гужом с солончаковых плесов
Потянулись в золото степей.
(с.15)

Пугачев у Есенина прежде всего - вожак степных народов: башкир, татар, калмыков.
Мы подыдем монгольскую рать!

Пусть калмык и башкирец бьются
За бараньи костры среди юрт!
(с.27)

И А.С. Пушкин в "Капитанской дочке" показывает близость Пугачева к степным народам: в его войске много башкир, татар, у него любимая сказка – калмыцкая.

О себе Пугачев говорит: "...ведь я из простого рода // И сердцем такой же степной дикарь." (с.21) Он так же, как и любой кочевник, в "минуту роковую" обращается к матери-степи ("О, помоги же, степная мгла /Грозно свершить мой замысел"). В момент поражения восстания он пытается бежать на Восток - в бескрайние степи Азии:

Уж давно я, давно скрывал тоску
Перебраться туда, к их кочующим станам,
Чтоб разящими волнами их сверкающих скал
Стать к преддверьям России, как тень Тамерлана.
(с.42)

Есенинский Пугачев близок степи, ее обитателям, степному духу. В отличие от городской культуры, поглощающей природу, степная находится в равновесии с ней. Поэтому не удивляют антропософские мысли Пугачева:

Долгие, долгие тяжкие года
Я учил в себе разуму зверя...
Знаешь? Люди ведь все со звериной душой, -
Тот медведь, тот лиса, та волчица, -
А жизнь – это лес большой,
Где заря красным всадником мчится.
(с.22)

Невольно вспоминается сказка из "Капитанской дочки", а также слова Пугачева при допросе в "Истории Пугачевского бунта": "Я-то вороненок, а ворон еще летает".

Однако Пугачев не только степняк, но и русский. Перед гибелью он вспоминает не "голубую Азию", а "синь ночную над Доном" и "низенький дом". Есенин попытался в поэме объединить противостоящие друг другу понятия Россия – Монголия, Русь – Степь:

Загляжусь я по ровной голи
В синью стынущие луга,
Не березовая ль то Монголия?

Но его сподвижники-казаки не понимают его. Поставленные перед выбором: манящая, свободная "голубая Азия" или закабаленная Россия, они выбирают родину ("Оттого, что в пензенской губернии домик") и предают Пугачева:

Не вскипеть тебе больше ни в какой азиатчине.
Знаем мы, знаем мы твой монгольский народ,
Нам ли храбрость его неизвестна?
Кто же первый, кто первый, как не этот сброд,
Под Сакмарой ударился в бегство.
(с.46)

У Пушкина в екатерининском лагере немало симпатичных людей - капитан Миронов, поручик Иван Игнатьевич, гусарский офицер Зурин, Гринев, наконец. У Есенина - императрица окружена чиновниками и шлет на "российский люд" немцев, "прохвостов" - Траунберберга, Рейнсдорпа, Михельсона. Не случайно из окончательного текста поэмы Есенин удалил эпизод с участием А. Суворова, который в действительности участвовал в подавлении восстания. Легендарный полководец, окруженный всеобщим почитанием, явно выпадает из общего отрицательного фона в изображении дворян. Другая концептуальная, не менее значимая разница наблюдается у Пушкина и Есенина в изображении пугачевского стана. В "Капитанской дочке" сподвижники Пугачева – злодеи, каторжники, воры, у Есенина это сильные духом, яркие личности – Кирпичников, Зарубин, Хлопуша.

Несмотря на кажущуюся полярность в изображении Пугачева у Пушкина и Есенина, в их героях можно найти некоторое сходство.

Как у Пушкина, так и у Есенина Пугачев впервые предстает перед читателем в несколько романтической атмосфере. У Пушкина: во время метели, на дороге "что-то чернеется". Пугачев помогает найти правильную дорогу. Автор называет его вожатым, дорожным. В дальнейшем в повести произойдет "чудесное" превращение полураздетого бродяги в мужицкого императора. У Есенина преследуемый бродяга ("Рать врагов цепью волн распалась / Не удалось им на осиновый шест / Водрузить головы моей парус") скрывает в себе великие помыслы ("Грозно свершить свой замысел").

У них похожие черты характера. В "Капитанской дочке" при осаде Белогорской крепости после залпа картечи Пугачев, показывая свою храбрость, один остался впереди повстанцев. У Есенина:

Знаешь? Эта ночь, если только мы выступим,
Не кровью, а зарею окрасила бы наши ножи,
Всех бы солдат без единого выстрела
В сонном Яике мы могли уложить...

(с.21)

И у Пушкина ("Кто из моих людей смеет обижать сироту?"), и у Есенина ("Оттого, что в груди у меня, как в берлоге, / Ворочается зверенышом теплым душа") Пугачев добр, но и одновременно жесток. В "Капитанской дочке" Пушкин описывает казнь офицеров, бессмысленное убийство Василисы Егоровны, у Есенина Пугачев призывает:

Чтобы вскипела месть
Золотою пургою акаций,
Чтобы пролились ножи
Железными струями люто...

(с.23)

А.С. Пушкин неоднократно подчеркивает трагизм судьбы Пугачева. Он признается: "Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою." Вот почему Пугачев так любит песню о виселице: "Не шуми, мати зеленая дубравушка". Он знает, что восстание окончится поражением, его гибелью, но не считает бессмысленной борьбу за свободу. Это красноречиво подтверждает калмыцкая сказка.

Есенинский Пугачев не менее трагичен. Он не "рыцарь без страха и упрека", ему трудно быть беспощадным. В момент наивысшего подъема восстания в его голосе звучат тоскливые нотки:

Братья, братья, ведь каждый зверь
Любит шкуру свою и имя...
Тяжко, тяжело моей голове
Опушать себя чуждым инеем.
Трудно сердцу светильником мести
Освещать корявые чаши.

(с.28)

Подчеркивая обреченность восстания, Есенин специально использует "кладбищенскую" лексику ("гроб смердящий", "могильщик", "зловещий скелет", "череп"), сгущает краски природы:

Около Самары с пробитой башкой ольха,
Капая желтым мозгом,
Прихрамывает при дороге.

(с.35)

Природа как будто предостерегает повстанцев:

По сту раз на лету будет склевывать птица
Желудочное свое серебро.

Быть беде!
Быть великой потере!
Знать, не зря с луговой стороны
Луны лошадиный череп
Каплет золотом сгнившей слюны

Однако крестьянский вожак все равно пытается бороться с предопределением, со злым роком ("Но... к черту все это, к черту! /Прочь жалость телячих нег! /Нынче ночью в половине четвертого /Мы устроить должны набег."). Даже когда становится ясно, что восстание почти разгромлено, Пугачев не теряет надежды. Он пытается бежать в Азию, чтобы снова начать борьбу.

Сопоставляя произведения А.С. Пушкина с поэмой С.А. Есенина, мы, пожалуй, упомянем еще раз их главное отличие в изображении восстания, неоднократно отмеченное исследователями. Хотя Пушкин в "Капитанской дочке" блестяще раскрыл психологический мир Пугачева и повстанцев и в "Истории Пугачевского бунта" показал причины и закономерность восстания, однако сам устами Гринева отверг идею насильственного преобразования: "Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!" Есенин же, вопрошающий в поэме: "Сумасшедшая, бешеная, кровавая муть! Что ты? Смерть? Иль исцеление калекам?" – сам себе отвечает словами Кирпичникова:

Приветствую тебя, мятеж свирепый!

ⁱ Розанов И. Есенин о себе и других. – М., 1926. – С.13-14.

ⁱⁱ Есенин. Жизнь. Личность. Творчество. – М., 1976. – С.46

ⁱⁱⁱ Творческое наследие В.Э.Меерхольда. – Сб. – М., 1978. – 389с.

^{iv} Марченко А. Поэтический мир Сергея Есенина.

^v Есенин академический: актуальные проблемы научного издания. Есенинский сб. – Выпуск 11. – М., 1995. – С.93-122.

^{vi} Волков.А Художественные искания Есенина. – М., 1976. – С.191.

^{vii} Здесь и далее цитируется по "Сергей Есенин. Полное собрание сочинений: В 7т.". – Т.3. – М., 1998.